

ИНТЕРВЬЮ С АНДРЕАСОМ БУЛЛЕРОМ¹

Андреас Буллер – доктор философии, специалист в области теории истории. Автор книг «Введение в теорию истории и практикум» и «Три лекции о понятии “след”», «В.С. Соловьёв и современность». В настоящее время член рабочей группы «Теоретическая дидактика истории» в ФРГ, референт в социальном министерстве в Штутгарте по вопросам «Этика в медицине». Член редакции Альманаха «Люди и тексты» Центра истории исторического знания ИВИ РАН.

СИ: Уважаемый господин Буллер, я очень рад видеть Вас на нашей кафедре. Очень благодарен Вам за те лекции, которые Вы читаете нашим студентам, но, все-таки, хотел бы задать несколько вопросов, чтобы лучше понять Вашу позицию. Первое, с чего я начну, пожалуйста, расскажите нам немного о своем пути в науку, как и почему Вы стали теоретиком истории.

АБ: Спасибо. Мой путь в науку был нестандартным и абсолютно нелегким, и причина этого коренилась, скорее всего, в моем новом статусе, который я обрел после переезда в Германию. Жизнь заставила меня еще раз, когда мне уже было более 30 лет, начать всё с нуля, повторив учёбу в немецком университете, доведя ее до защиты докторской работы. Но, видимо, мой интерес к философии истории (или теории истории) оказался сильнее, чем все препятствия, которые оказывались на моем пути. В конце концов, мне удалось их преодолеть, и это прежде всего, наверное, благодаря моей семье, моей жене, которая меня поддержала.

СИ: Но, всё-таки, о теории истории. Почему теория истории, а не какая-нибудь другая «история»?

АБ: К теории истории у меня интерес проявился еще в школьные годы. И мне повезло: в Карагандинском университете, в котором я учился, была преподавательница Свиденко, которая

¹ Интервьюер Посохов Сергей Иванович. Интервью было записано 19.10.2016 г. в кабинете заведующего кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Транскрибирование аудиозаписи осуществила О. Гела.

очень поверхностно, схематично изобразила, как я сейчас помню, на доске процессы познания прошлого по советской формуле: субъект – объект. И я понял, что это очень интересно и в тоже время я понял, что это не так просто. Я понял, что исторические объекты нам не даны автоматически, а субъекты – это живые люди (смеется). Вот так зародился мой интерес к этой тематике. После приезда в Германию для меня открылось море новой литературы, море самых различных имен, новые знания, и я, прежде всего, начал изучать немецкую философию. И это очень обогатило меня.

СИ: А кто из теоретиков истории оказал на Вас наибольшее влияние?

АБ: Приезжая в Германию, я уже слышал о Дройзене и его работе «Историка». Я хотел в любом случае прочитать её в оригинале. Еще в Советском Союзе я прочитал Коллингвуда «Идея истории». С книгами Коллингвуда и Марка Блока я приехал в Германию, эти книги я привез как самое ценное для меня, они до сих пор стоят на моей полке. А потом к этим книгам добавились и другие авторы: Райнхарт Козеллек и Йорн Рюзен, другие немецкие авторы, да и не только немецкие.

СИ: Вы хорошо знаете советскую историографическую традицию, которая базировалась на марксизме. Сейчас, уже в рамках западной науки, Вы хорошо понимаете основные тенденции развития современной науки. Скажите, пожалуйста, о Вашем отношении к марксизму.

АБ: Вы знаете, я написал свою докторскую работу о Марксе, точнее говоря, тема моей работы звучит так: «Отношение исторической действительности к историческому познанию: Маркс и Дройзен в сравнении». Я сравнил двух крупнейших теоретиков истории XIX столетия. Это было в 1990-е годы, а защитился я в 2001 году. В 1990-е годы, когда интерес к марксизму падал и, казалось, что Маркс никого уже не интересует, я взялся за его философию. Я очень много могу говорить здесь о Марксе, но скажу только одно: я очень ценю Маркса как крупного теоретика, оригинального мыслителя, но я критически отношусь к его революционной теории и считаю, что самым

слабым местом марксизма является марксистская этика. Марксу принципиально не удалось обосновать новую этику. Отказавшись от традиционной этики – религиозной этики, этики Канта или же, как он говорил, этики «буржуазного» или «классового» общества, он не смог нам предложить равноценной, я имею в виду теоретически обоснованной, нравственной концепции. В то же время Маркс, если оценивать его вклад в развитие теории истории, первым заметил, что современное общество находится в процессе глобализации. Для XIX столетия это было нечто новое. Это мы сейчас воспринимаем процесс глобализации как норму, а тогда это трудно было представить и осознать...

СИ: Ну, да, «Соединённые Штаты Европы» – это как предсказание...

АБ: Да, да и эту идею обосновал и выделил Маркс. Также следует отметить другие его подходы: отказ от одной только политической истории, от индивидуальной истории, стремление рассматривать историю как закономерный процесс. Всё это, конечно, были позитивные тенденции, которые дали сильные импульсы развитию современной исторической науки. Как теоретик истории он сыграл значительную роль в развитии исторической и других общественных наук.

СИ: Спасибо. У нас историографы в последнее время всё чаще говорят о фрагментации исторического знания. И, соответственно, начинает доминировать, может быть не всегда явно, такая точка зрения, что каждый историк пишет свою историю. Значит ли это, что роль теории среди историков незначительна, или то, что каждый историк, по сути, изобретает свою теорию и руководствуется своей теорией. Как Вы считаете?

АБ: Если бы не было фрагментации, то не было бы и плюралистического знания. Проблема лежит не во фрагментации, а она возникает там и тогда, где и когда историк отказывается от теоретической саморефлексии. Ведь именно саморефлексия сделала возможной теорию истории. Историк может, конечно, отказаться от саморефлексии, сказав: «Я анализирую и исследую только определенное прошлое или же только определенные

проблемы прошлого». Однако, от этого он несколько не выиграет, а, скорее наоборот, окажется пленником своего узкого, а, возможно, и догматичного горизонта, в рамках которого он и будет рассматривать прошлое.

СИ: Спасибо. Вы написали, что никакие мысли о прошлом не могут существовать вне мыслей о настоящем, а как же быть с мыслями о будущем. Оказывают ли они свое влияние на мысли о прошлом? Другими словами, наверное, это вопрос об идеологии, историк и идеология, может быть в такой плоскости следует поставить вопрос. Впрочем, выбирайте.

АБ: В прошлом году появилась, написанная мною, статья в философском русскоязычном журнале «Эпистемология и философия истории», которая имеет такое название: «Прошлое ненаступившего будущего». Заголовок звучит несколько провокационно, но речь здесь идет о тех историках, которые пытались увязать прошлое и будущее в одной и той же исторической концепции, хотя концепция в этом случае, в строгом смысле слова, переставала быть «исторической». Таким образом поступали религиозные историки, которые видели в истории ничто иное как божественное провидение. Таким же образом, как ни странно, поступал и марксизм, хотя его сторонники были противниками всякой религии. Но марксизм тесно увязывал «тёмное» прошлое человеческого общества с его «светлым» будущим. Идея коммунизма строилась на концепции классовой эксплуатации и классовой борьбы, причины которой Маркс искал в человеческой истории. Обосновать «светлое будущее» человечества, Маркс мог только на базе его «тёмного прошлого». Будущее и прошлое были в этом случае неразделимы. Однако существенная проблема подобных теорий лежит в том, что если прогнозируемое ими будущее не наступало, и его идея рушилась как картонный домик, то вместе с этим «ненаступившим будущим» рушилась и концепция его прошлого. Поэтому возникло такое разочарование, которое и теперь еще присутствует в постсоветском обществе, в котором люди почувствовали себя как бы обманутыми, которые в действительности оказались обманутыми. Они отвернулись от той концепции прошлого, которая, возможно, содержала в себе

какие-то рациональные моменты, была в чем-то оригинальна, но которая зависела от будущего и по этой причине оказалась несостоятельной. Это и была идея моей статьи, которая теперь доступна в интернете¹.

СИ: Спасибо. Ну, и, пожалуй, последний вопрос. Скажите, пожалуйста, какие Вы видите основные проблемы преподавания истории в мультикультурном обществе?

АБ: Преподавание истории не является самоцелью, оно должно быть ориентировано на то общество и на те структуры, которые в этом обществе существуют. С изменением этих структур практически автоматически меняются как форма преподавания, так и содержание истории как учебной дисциплины. В этом случае изменения просто неизбежны. Можно представить себе, проведя такой мысленный эксперимент, что по украинским учебникам предложат преподавать историю в Эфиопии, а эфиопские учебники станут использовать на Украине. Какова будет на это реакция? Просто представьте себе такой эксперимент. Это, несомненно, вызовет непонимание и возмущение в вышеперечисленных обществах, потому что каждое общество создает подходящую, конечно, в кавычках «подходящую», для себя историю, которая преследует цели именно этого общества, отражает его интересы, укрепляет его идентичность. В какой-то мере здесь речь идет об инструментализации истории, но, с другой стороны, история, в отличие от философии, не может быть абстрактной, совершенно не связанной с обществом и с его интересами, наукой. Но это, разумеется, не означает, что мы можем фальсифицировать или «менять» свою историю так, как мы этого себе пожелаем (ведь со своей собственной биографией мы так не поступаем). Деятельность историка должна быть нацелена на достижение объективности, без которой историческая наука не может быть наукой как таковой.

Я тут вспоминаю слова классика немецкой историографии Леопольда фон Ранке, который указал на то, что историк должен описывать прошлое, показав «как это действительно было» («wie es gewesen»). Для него это было очень важное высказывание и важная

¹ См.: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-nenastupivshego-buduschego>

цель. Ранке можно было бы и возразить, как это сделал Дройзен, который считал, что историк не в состоянии описывать прошлое объективно. Ведь историю, как он по праву заметил, пишут живые люди со своими убеждениями, со своим воспитанием, своими взглядами и своим мировоззрением. Но это не означает, что мы по этой причине должны отказаться от принципа объективности.

Представьте себе на один момент, что мы попытаемся отказаться и от этических законов по той причине, что они недостижимы. Этика требует от нас вести себя соответствующим образом, а именно, делать добро, помогать другим людям. Но если мы скажем, что в «нашем обществе» добро проявлять невозможно, если мы откажемся от этических целей и принципов, то во что тогда превратится наше общество?! С таких же позиций мы должны рассуждать и о принципе объективности истории. Высказанная Ранке цель (описывать прошлое, как это действительно было), возможно, является недостижимой на все сто процентов, но отказываться от этой цели мы по этой причине никак не должны, а мы должны сохранять свои идеалы и ориентиры как в истории, так и в этике.

СИ: Только что я сказал, что это был последний вопрос, но, все-таки, не удержусь: возникает вопрос о социальных функциях историка в рамках Ваших рассуждений, какими Вы их видите, может быть, назовете несколько таких основных социальных функций.

АБ: Я назову только одну функцию. Историк должен стремиться быть нравственным человеком, то есть он не должен отрешенно описывать жестокое прошлое, равнодушно изображать преступления людей прошлого, а он должен, я скажу так, судить об этом прошлом с морально-этической точки зрения, потому что только он один в состоянии восстановить растоптанную справедливость. Если историк не напишет правды о преступном прошлом, то кто тогда это сделает?! Поэтому, я призываю историка, оставаться объективным и нейтральным, но в то же время занимать нравственную позицию по отношению к прошлому, т.е. судить о нём с морально-этической точки зрения. Это очень важная, а может быть, и единственная социальная функция историка.

СИ: Не значит ли это, что он при этом привнесет, так сказать, свои представления, представления своего времени в прошлое и, по сути, исказит его?

АБ: Я бы ответил на этот вопрос так: мы говорим о релятивной этике, а существует и этика абсолютная или лучше сказать универсальная. Еще в Библии было записано «не убивай». Этот запрет просуществовал тысячелетия. Мы знаем, что в истории этот запрет часто нарушался, что практически вся человеческая история построена на нарушении этого запрета. Реальная история включает в себя самое негативное — разрушения, убийства, жестокость. Поэтому, реконструируя события преступного прошлого, историк должен возвращать человека к абсолютным ценностям и описывать это прошлое с точки зрения именно этих ценностей, оставаясь на их позициях.

СИ: Спасибо за интервью, надеюсь, мы как-нибудь еще встретимся и продолжим этот разговор, спасибо.

АБ: Охотно!